

ИСТОКИ МОРАЛИ В АРХАИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ. НА МАТЕРИАЛЕ “ИЛИАДЫ”

© 2011

Р.Г. Апресян

Вопрос об историческом возникновении морали неоднозначен. Что должно быть предметом исследовательского внимания — определенные, признаваемые (хотя бы данным исследователем) в качестве моральных категориальные и нормативные формы (представления, ценностные и императивные высказывания) и/или поступки и отношения, так или иначе, рефлекслируемые? В литературе доминирует первый подход. И поэтому эпос, представляющий, как правило, архаическое общество, оказывается лишь косвенным источником для изучения происхождения морали. Создатели эпоса и его герои не говорят на языке всеобщих, тем более кодифицированных и рационализированных императивных высказываний. У них есть определенные ценностные представления, на основе которых формулируются сентенции, касающиеся должного поведения, порой в форме максим. Однако они носят по преимуществу локальный, ситуативный характер; и потому не рассматриваются исследователями в качестве релевантных для понимания морали в том представлении, которое сложилось в рациональной философии, начиная с классической античности. Для изучения истоков морали обычно используются тексты древнегреческих трагедий, а также ветхозаветных книг.

Этико-аксиологическая проблематика значительна в гомеровских исследованиях. Можно сказать, что с конца 1950-х годов она складывается в особое, довольно внушительное направление внутри гомероведения. Особую роль в этом сыграли фундаментальные исследования М. Финли, Дж. Фергюсона, А. Адкинса, А. Лонга. Однако при том, что в этико-аксиологическом гомероведении можно проследить разные исследовательские программы, их авторы ставят своей задачей в первую очередь реконструкцию ценностного мира гомеровского общества¹.

Во многом опираясь на результаты гомероведческих исследований, я развиваю другую исследовательскую программу,

ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

Апресян

Рубен

Грантович —

доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики Института философии РАН. Постоянный автор журнала.

E-mail:

apressyan@mail.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 11-03-00325а, на основе исследования, проведенного при поддержке Swedish Collegium for Advanced Study (Швеция).

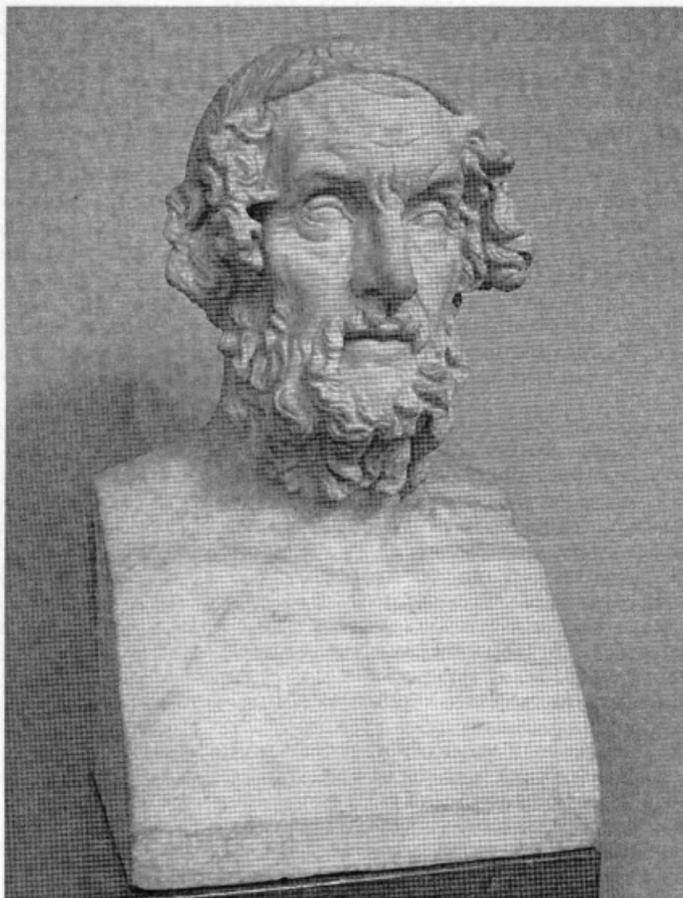

ЧЕЛОВЕКОНА- НИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, МЕТОД

¹ См. Adkins A.W.H. Merit and Responsibility: A Study in Greek Values. Oxford: Clarendon, 1960; Ferguson J. Moral Values in the Ancient World. L.: Methuen & Co Ltd, 1958; Finley M.I. The World of Odysseus. [1956]. 2nd ed. L.: Chatto&Windus, 1956; Long A.A. Morals and Values in Homer // The J. of Hellenic Studies. 1970; а также: Ярхо В.Н. Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека // Вест. древней истории. 1963. № 2; Аванесов С.С. УЧПЛЗ: Философское антиковедение и классическая традиция. 2010. Т. 4. Вып. 2.

Гомер. Римская копия II в. Британский музей

направленную на отслеживание раннего генезиса морали на уровне поведенческой и коммуникативной практики. При этом мораль берется в конфигурации, известной и привычной современному человеку иудео-христианской культурной традиции, но в аспекте определенного содержания решений и действий. Это содержание положительно выражается в воздержании от причинения неоправданного ущерба, в стремлении к справедливости, в благорасположении, сотрудничестве, дружеском соучастии, заботливом участии, а негативно — во враждебности, недоброжелательности, несправедливости, безучастности, безжалостности и может реализовываться по разным (не только категорически-императивным) основаниям. Нормативно оно

оформлено в золотом правиле, талионе и заповеди любви² и вытекающих из них принципах и правилах. Этих принципов и правил как таковых нет в текстах эпоса, они присутствуют в нем в проспективном, рудиментарном виде. Их выявление возможно на основе метода *концептуальной экспликации рудиментарного нормативного содержания*, который заключается в том, что тексты, в нормативно-ценностном плане синкретичные или посвоему концептуально сфокусированные, анализируются с позиций развитых этических концептов, посредством которых проясняется соответствующее им содержание, находящееся в неявной, элементарной или предполагаемой форме.

Предпринимаемое генеалогическое исследование сфокусировано на доминирующих сюжетных линиях — противостояния Ахилла, во-первых, с Агамемноном — царем ахейцев и, во-вторых, с Гектором, военным предводителем троянцев, и Приамом, его отцом, царем Трои. Хотя в одном случае речь идет о соратнике, а в другом — о противниках, положительные в ценностном отношении динамики этих противостояний в общем одностипны, и уже только в этом есть свой глубокий этический смысл.

Ахилл и Агамемнон

Распря. “Илиада” начинается со вспыхнувшей вражды между Ахиллом и Агамемноном. Вина за возникновение раздора лежит на последнем. Это он грубо отказал Хрису, фиванскому жрецу храма Аполлона в возвращении за богатый выкуп его дочери, захваченной ахейцами и доставшейся при разделе добычи Агамемнону. Оскорбленный Хрис жалуется Аполлону и просит его отомстить за нанесенную обиду. Аполлон, и так благоволявший троянцам, ниспосылает на ахейцев моровую язву.

Кару Аполлона можно было бы ожидать: представление о том, что за несправедливость царей наказание несут народы, было распространено в архаической Греции. Об этом однозначно говорит Гесиод: “И страдает / Целый народ за нечестье царей”³. У Гомера эта максима не проговаривается ни им самим, ни кем-либо из его персонажей. Но практику такого рода Гомер демонстрирует самым недвусмысленным образом.

По прошествии девяти дней Ахилл по наущению Геры (сострадавшей потерям в рядах ахейских воинов) созывает военный совет, на котором провидец Калхас, в ответ на требование Ахилла объяснить внезапно обрушившийся на ахейцев мор, сообщает, что бесчисленные потери ахейцев — от гнева Аполлона, и чтобы прекратить убыль ахейского войска, необходимо возвратить Хрису дочь и умилостивить Аполлона. Агамемнон нехотя выражает готовность пожертвовать ради общего блага своей долей добычи, однако тут же требует восполнить свою потерю, претендуя на юную красавицу Бризеиду, доставшуюся Ахиллу

² Существенное содержание и этический смысл этих принципов см.: Этика: энциклопедический словарь / Под ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М.: Гардарики, 2001.

³ Гесиод. Труды и дни. 260–261 / Пер. В.В. Вересаева // О происхождении богов / Сост., вступ. ст. И.В. Шталь; Прим. В.В. Вересаева и И.В. Шталь. М.: Сов. Россия, 1990.

при недавнем разделе добычи. Отсюда и возникает ссора. Ахилл и Агамемнон в сердцах обрушивают взаимные оскорбления, одно сильнее и несправедливее другого. В результате разгневанный Ахилл, хотя и соглашается отдать Брисейду, решает вместе с тем оставить войско и вернуться со своей дружиной домой. Свое решение он объясняет тем, что лучше ни с чем вернуться с войны, чем потакать корыстолюбию и несправедливости Агамемнона.

Царь ахейцев, пожалуй, вдвойне ответствен за произошедший раздор. Упрямым попечением о собственной чести—*timē* (возвращение Хрисеиды, пусть и за знатный выкуп, ущемляло его честь) он стал причиной неожиданного мора, а в ходе обсуждения возможности избавления от него он нанес глубокое оскорбление Ахиллу, потребовав передела добычи. Тем не менее, первые слова Гомера в поэме — о гневе Ахилла и о бесчисленных страданиях, которые он принес ахейцам: “Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына, / Грозный, который ахейцам тысячи бедствий соделал” (I:1–2)⁴.

Несправедливость, допущенная Агамемноном в отношении Ахилла, непосредственно касалась только Ахилла (оставим сейчас в стороне возможные символические последствия этой несправедливости для ахейского сообщества). Реакция Ахилла, направленная на Агамемнона, касалась всех. Лишь на первый взгляд она может показаться сдержанной: мол, Ахилл *не выступает* против Агамемнона, но *отстывает*, выходит из кампании, удаляется от ахейского войска. Но у этого решения есть свой страшный мотив — унижить Агамемнона как царя над царями, как предводителя ахейского войска. Ахилл не утаивает своего упования — своим уходом ослабить ахейское войско, довести его до риска “позорнейшей смерти” (Ил. I:341), чтобы все поняли беспомощность Агамемнона и пришли бы к Ахиллу с мольбой о возвращении в сражение. Он бросает эту угрозу в лицо Агамемнону на собрании и затем повторяет ее людям Агамемнона, пришедшим за Брисейдой. Более того, по-видимому, Ахилл не очень уверен, что одним лишь своим выходом из битвы он нанесет критический урон ахейцам. Поэтому он призывает свою мать, морскую богиню Фетиду, и просит ее вымолить у Зевса в отмщение Агамемнону поражения ахейцам до тех пор, пока те не поймут, что все их беды от Агамемнона, да и сам Агамемнон не удовлетворит Ахилла в его оскорблении. Ахилл ущемлен не тем, что отнята у него прелестная наложница, но тем, что лишением справедливо полученной доли добычи ставятся под сомнение его воинские заслуги и, соответственно, унижается его *timē*-честь. За это унижение он жаждет полной расплаты.

Для гомеровского героя *timē* — предмет первостепенной (хотя, возможно, и не исключительной) заботы. *Timē* отражает безопасность человека, состояние его собственности, его статус и, соответственно, безопасность и положение его семьи, других его

⁴ Стихи из “Илиады” приводятся в переводе Н.И. Гнедича по изданию: Гомер. Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. Изд. подготовил А.И. Зайцев. Л.: Наука, 1990. Ссылки даются в тексте в круглых скобках; римскими цифрами обозначаются песни, арабскими — стихи.

Р. Апресян
Истоки морали
в архаическом
обществе

Гнев Ахилла.
Мозаика. Помпеи,
I в.

близких. Человек Гомера очевидно заботится о себе и своих интересах — безопасности, собственности, статусе, одним словом, о своей *timē*. Он также заботится об интересах своих друзей, на которых он может положиться в вопросах собственной безопасности или статуса. В своем попечении о близких гомеровский человек очевидно заботится о себе самом, так как ущерб кому-либо из этого круга одновременно является и ущербом *timē* самого человека⁵. Ахилл, ущемленный в своей *timē*, желает

⁵ Подробнее об этом см. Gagarin M. *Morality in Homer // Classical Philology*. 1987. Vol. 82. № 4. P. 290.

Гнев Ахилла.
Дж. Б. Тьеполо.
1757 (фрагмент)

не только ее восстановления, но и унижения *timē* Агамемнона. Этим объясняется его настоятельное желание, чтобы мать обратилась к Зевсу.

Иными словами, отвечая на несправедливость Агамемнона в отношении себя, Ахилл прилагает усилия, направленные как будто бы лично против Агамемнона, а фактически — против ахейцев, в конечном же счете — против всего предприятия войны.

Можно ли воспринимать Ахиллово желание гибели ахейскому войску в терминах *кровной мести*, по обычаю которой наказание за несправедливость, обиду или ущерб могут нести родственники и близкие совершившего зло? Ответ на этот вопрос неоднозначен. С одной стороны, это замещение допустимо при невозможности (какие бы ни были на то причины) возмездия непосредственно совершившему зло. Ситуация Ахилла и Агамемнона совсем другая: Ахилл не мстит ахейцам за несправедливость Агамемнона. Полноценным унижением для него как

царя и предводителя может стать поражение в битве и гибель войска. Ахиллу нужно, чтобы *timē* Агамемнона было разрушено в глазах его воинов. Народу Агамемнона предстоит ответить, говоря вышеприведенными гесиодовскими словами, “за нечестье царя”. Однако Гесиод, говоривший о порядке, при котором народу приходится испускать беззаконие царей, имел в виду, что наказание исходит от богов, от судьбы. Ахилл своим решением принимает на себя чин бога; каков бы ни был исход решения, он его уже принял. То, что это решение именно божеского масштаба, лишь подтверждается последующим обращением Ахилла через Фетиду с просьбой к Зевсу, помочь в его осуществлении. С другой стороны, Ахилл, несомненно, переносит на ахейцев свое отношение к Агамемнону, свою ненависть и свою вражду, что видно по одному эпизоду. Выйдя из сражения, Ахилл не отплывает, как грозился, а остается наблюдать за ходом битвы. В особенно драматический для ахейцев момент Ахилл посылает своего верного друга Патрокла разузнать подробнее, что происходит. Тот возвращается весь в слезах от увиденных неисчислимых бедствий ахейцев. Ахилл с тревогой спешит узнать, в чем дело. Но сначала он спрашивает об отце Патрокла, не случилось ли с ним что, затем о своем отце и только потом интересуется о возможной другой причине: “Может быть, ты об ахеянах тужишь, что так *злополучно* / Подле своих кораблей *за неправду свою* [курсив мой. — Р.А.] погибают?” (XVI:154–155). Иными словами, Ахилл определенно считает, что ахейцы погибают в силу случившегося зла и терпят наказание “за неправду свою”.

Так что, рассорившись с Агамемноном, Ахилл по существу ставит себя вне ахейского общества не только решением не участвовать в последующих баталиях, но и той расплатой, которую он уготовил Агамемнону и вместе с ним ахейцам. При этом он не перестает быть ахейцем. А значит, под эту расплату предстоит попасть и ему. Своим решением Ахилл обрек себя на одиночество. И хотя рядом с ним остается Патрокл и его соратники (мирмидонцы), — иным, нежели как одиноким, мы Ахилла больше не увидим.

Расплата. Случившаяся распря своеобразна. Ахилл, чувствуя себя глубоко оскорбленным, жаждет компенсации. Но позиция его неоднозначна. С одной стороны, он стал жертвой несправедливости, а с другой, — инициатором распри явился именно он. И порывая с Агамемноном, он обставляет свое возможное возвращение в сражение условиями, одно из которых — позорное поражение ахейцев, — от самого Агамемнона никак не зависит, а даже если бы и зависело, то по внутреннему смыслу никак не могло быть им обеспечено. Агамемнона все-таки ждет расплата. Но вместе с тем события получают такое развитие, что поплатиться за распрю, за свой необузданный гнев, ее вызвавший, за свою гордыню и упрямство приходится и Ахиллу.

И это при том, что сражение развивается именно так, как того желал Ахилл. Ведь Зевс, обязанный Фетиде ее прошлыми заслугами лично перед ним, исполняет переданную ему просьбу Ахилла о поддержке троянцев в ущерб ахейцам. В тяжелейших схватках последние, несмотря на отвагу и стойкость в сражениях, в самом деле начинают уступать троянцам, оттесняющим их к кораблям и уже готовым предать огню весь ахейский флот. Положение ахейцев оказывается столь плачевным, что Агамемнон, созвав собрание, предлагает признать военную неудачу, прекратить войну и отплыть к родным берегам. Против этого предложения решительно выступает Диомед, самый юный царь, один из выдающихся воинов-ахейцев. К нему присоединяется и Нестор, старейший, наиболее опытный и мудрый среди ахейских царей, предлагающий Агамемнону ради победы сделать все для того, чтобы вернуть в сражение Ахилла.

Агамемнон с готовностью соглашается с Нестором, как если бы уже сам вынашивал в себе эту мысль. Признавая свою вину перед Ахиллом, Агамемнон предлагает несметные награды (*apereisi' araina*) для умиловления Ахилла и компенсации за нанесенную ему обиду. Нестор приглашает войти в состав посольства наиболее авторитетных среди вождей — Феникса, Аякса Теламонида и Одиссея, которые и отправляются тут же к Ахиллу с щедрым предложением от Агамемнона — принять нетронутую Бризеиду и дары. К тому же по взятии Трои ему обещана наилучшая доля трофеев, а по возвращении в Элладу — в жены одна из дочерей Агамемнона и богатый удел. Взамен Ахиллу предлагается забыть обиды и вернуться в битву.

Послы незамедлительно отправляются к Ахиллу. Тот принимает их не особенно приветливо, но учтиво, и сразу устраивает для них угощение. Слегка разделив трапезу, послы обращаются к Ахиллу с пространными речами, и Ахилл каждому отвечает.

Дары Агамемнона действительно безмерны. Однако Ахилл их отвергает, еще более распаясь в гневе. В ответ на речь Одиссея он вновь грозит отплыть со своей дружиной восвояси; после речей Феникса и Аякса, косвенно выразивших свое понимание решения Ахилла, он сдается, хотя и сохраняет свое намерение вступить в битву, лишь когда Гектор пробьется к мидонскому стану. По признанию многих исследователей, Ахилл отказывается от даров Агамемнона, видя в них желание подтвердить свое верховное положение и тем самым принизить Ахилла. Позже, примирившись с Агамемноном, Ахилл соглашается принять дары. Такая перемена в решениях и поведении Ахилла становится ясной, если обратить внимание на функциональные характеристики предлагаемых Агамемноном даров и, соответственно, на предполагаемые этими характеристиками статусы дарителя и одариваемого. Не за дары Ахилл примиряется. И примирившись, он принимает дары, ясно показывая, что не придает им большого значения. И тем более не из-за даров он возвращается в битву⁶. Для эпического героя материальная

⁶ См.: XIX-199–214, 270–275.

компенсация понесенного ущерба, несомненно, очень важна; но еще важнее признание его высокой *timē*.

Конфликт между Агамемноном и Ахиллом усугубляется тем, что Агамемнон, предлагая дары, и Ахилл, ожидая их, по-разному видят характер и смысл предоставляемой таким образом компенсации. Агамемнон предлагает Ахиллу *выкуп-ароина*; именно это Ахилла не устраивает, он рассчитывает на *расплату-роинē*. Принципиальное различие этих двух типов компенсации раскрыт Д. Уилсон. Общим и функционально не специфицированным обозначением передаваемых благ было греческое слово “*dōra*”⁷. И *ароина*, и *роинē* могут передаваться словом дар. Однако их семантика в гомеровском эпосе более специальна; они отражают разные типы отношений.

В сражениях под Троей оказавшиеся в безвыходном положении воины бросались к ногам победителя и молили в первую очередь о пощаде — о сохранении жизни, а затем об освобождении за *выкуп-ароина*. *Ароина* были важной частью военной добычи. Смысл компенсации здесь состоит в том, что победитель, захватывающий воина-противника, может возвысить свое *time*, сорвав доспехи и убив врага или взяв врага в плен с тем, чтобы продать его в рабство. Отказ как от одного, так и от другого должен быть восполнен, и этому служит *выкуп-ароина*. При этом типе отношений платит терпящая сторона или тот, кто берется ее представлять и защищать (друзья, соратники). Выплата предназначается тому, кто может нанести ущерб. *Выкуп* не только не предостанавливает возникшее неравенство, но и закрепляет его. Другим типом компенсации является *расплата-роинē*, которая выплачивается стороной, нанесшей ущерб, и посредством которой предполагается восстановление статуса *timē* стороны, потерпевшей ущерб. Уилсон говорит о разных направлениях движения благ. По-русски это легко передается с помощью лексико-морфических средств: в случае *ароина* осуществляется *выплата*, в случае *роинē* — *отплата*, *расплата*. Во многих конкретных эпизодах на площадках троянских сражений, в особенности в моменты крайнего ожесточения, поверженные воины молят о пощаде, предлагая *выкуп*, — однако становясь объектом мщения, расплачиваются за обиды, оскорбления и ущерб, нанесенный их соплеменниками, и смертью доставляют победителям *роинē*.

Роинē далеко не всегда, но по преимуществу во время боя, принимала форму кровавой, смертельной расплаты. В других ситуациях она могла выражаться в вещественных способах компенсации. Так, в разбираемом нами конфликте Агамемнон предлагал *ароина*, пусть и несметные, но не желал и думать, что это будет его *расплата-роинē* перед Ахиллом. Как полагает Уилсон, Агамемнону важно было сделать акцент на том, что Ахилл — источник бед и, выдавая ему *ароина-выкуп*, он всего лишь печется об общем благе — о том, чтобы отвести беду от ахейского войска⁸. Уилсон, как и другие исследователи, обращает внимание на то, что предлагая Ахиллу взять замуж одну из

⁷ Русское слово “дар”, которым оно переводится, является этимологически ему родственным, да и фонетически созвучным.

⁸ Wilson D. Ransom, Revenge, and Heroic Identity in the Iliad. Cambridge: Camb. Univ. Press, 2002. P. 76–77.

своих дочерей и давая в приданое несколько поселений, Агамемнон лишь стремился дополнительно закрепить свое доминирующее положение. К тому же, предлагая выкуп-ароіпа, Агамемнон ставил Ахилла в положение чужака, чуть ли ни врага. Ахилл это понимает и, отвечая Аяксу, с горечью восклицает: "...обесчестил меня перед целым народом ахейским / Царь Агамемнон, как будто бы был я скиталец презренный!" (IX:647–648). Так что даров как таковых Ахилл принять не мог, поскольку ожидал именно расплаты (хотя в материальном выражении она могла бы быть выражена в тех же самых благах), которая восстанавливала бы честь Ахилла и символизировала признание Агамемноном собственной неправоты.

Посланцы Агамемнона к Ахиллу, по-видимому, хорошо чувствуют щекотливость ситуации. Не случайно они, как прежде Нестор на собрании, выражают Ахиллу понимание в его гневе, признавая оправданность последнего. Нестор на собрании, обращаясь к Агамемнону, пеняет тому на то, что отняв Брисеиду, царь обесчестил (atimân) Ахилла. Ни один из послов не ставит под сомнение причины гнева Ахилла, вместе с тем каждый выражает глубокую озабоченность результатами его действий, а также возможными, еще более худшими последствиями.

Хотя Агамемнон и говорит о выкупе-ароіпа, но коммуникативно-поведенчески не обнаруживается именно такой характер компенсации. Предложение выкупа всегда выражено в мольбе, обращенной к доминирующему в ситуации лицу. Агамемнон не умоляет; хотя нельзя сказать, что он не просит. Сам факт посольства — есть своеобразная форма прошения. Да и Феникс, указав на Агамемнонов "гибельный гнев" (IX:516), противопоставив ему "гнев справедливый" (IX:517) и оправданный (IX:518) Ахилла, подчеркивает, что Агамемнон свой гнев укротил и посольство прислал "с кротким прошением" (IX:520). Тем не менее, послы угваривают Ахилла вернуться в строй, забыв обиду, и всячески настаивают на этом, ссылаясь на многочисленные потери ахейцев и реальную опасность общего поражения. Но они не молят в буквальном и ритуальном смысле этого слова. И Одиссей, и Феникс представляют предложенный Агамемноном выкуп-ароіпа нейтрально — как дары-doron (XI:261, 515). При этом они, как и Аякс, делают все для того, чтобы вписать Агамемноновы дары в привычные ожидания и отношения героического общества. Одиссей делает упор на общих интересах и той славе, которую непременно стяжает Ахилл победой над Гектором. Феникс, упоминая о дарах, как бы показывает, что речь идет об отношениях между друзьями (а между друзьями не могло быть места выкупу)⁹. Но, не говоря о компенсации, они и не затрагивают, во всяком случае, прямо, вопроса о нанесенном ущербе, и это не может не настаивать Ахилла.

Некоторые исследователи видели причину несговорчивости Ахилла в том, что Агамемнон и его посланники не припадали к его коленам¹⁰ и не молили, предлагая дары, вернуться в строй.

⁹ Ibid. P. 91–92.

¹⁰ А Ахиллу нужно именно это — реальное припадание к его коленам. Наблюдая чуть позже боевые неудачи ахейцев, он замечает Патроклу: "Ныне, я думаю, скоро колена мои аргивяне / Придут обнять: нестерпимая более нужда гнетет их" (XI:609–610).

Р. Апресян
Истоки морали
в архаическом
обществе

Брисеида,
забираемая
у Ахилла. Греческий
кубок 480 г. до н.э.
Британский музей

Э. Эйхгольц, еще не замечая различий между выкупом-ароина и расплатой-роинѐ как раз указывал на то, что Ахилл ждал не переговоров с послами, а именно мольбы о снисхождении, и к тому же, чтобы Агамемнон был при этом первым¹¹. Он ясно дает понять, что видит в предлагаемых ему Агамемноном дарах выкуп-ароина¹². Важно отметить, что Ахилл не мог бы довольствоваться и просто дарами, вполне уместными для заглаживания обычного разногласия или простой ссоры. Так что удовлетворить его могла только расплата-роинѐ.

Вернемся к посольству. Речь Аякса, наименее пространная из всех посольских речей, особенно интересна с точки зрения трактовки Агамемноновой компенсации. Надеясь убедить Ахилла примириться, он ссылается на распространенность такой практики, при которой даже убийство компенсируется соответствующей расплатой-роинѐ родственникам убитого, после чего убийца освобождается от вины (IX:632–636)¹³. Тем самым Аякс, желая того или нет, переводит разговор в предположительно приемлемое для Ахилла русло, указывая посредством аналогии, что ему предлагается именно роинѐ. Видимо, принимая это во внимание, Ахилл признает, что Аякс говорит искренне, как будто бы читая мысли самого Ахилла.

Ахилл отвергает пространные увещания Одиссея и Феникса. Но он не отмахивается от них, и хотя для него ясно, что дальше говорить не о чем, он пытается обосновать, пусть и излишне пылко, свою позицию и свое решение. Аякс понимает, что переговоры зашли в тупик: “Ахиллес мирмидонец / Дикую в сердце вложил, за предел выходящую гордость!” (IX:628–629), но упрекая его за забвение дружбы, за бесчувственность сердца, за “бесконечный мерзостный гнев” (IX:636–637), все же решительно призывает: “Облеки милосердием душу!” (IX:639). И этот призыв, как и другие подобного рода, не проходят совсем бесследно для Ахилла.

¹¹ См.: Eichholz E.D. The Propitiation of Achilles // *The Amer. J. of Philology*. 1953. Vol. 74. № 2. P. 142–143.

¹² *Ibid.* P. 90.

¹³ Распространенный обычай денежной компенсации за убийство отражен и в одной из сцен на щите Ахилла: на рыночной площади “...спорили два человека о пене, / Маде за убийство...” (XVIII:498–499).

Посольство
к Ахиллу. Деталь
аттического кубка.
480–470 гг. до н.э.
из Вулчи. Лувр

Настрой Ахилла вскоре меняется вследствие трагического для него события. В разгар сражения, за которым Ахилл наблюдает издали с кормы своего корабля, к нему обращается его ближайший друг и соратник Патрокл и своей речью, полной горечи, заставляет Ахилла повернуться лицом к терпящим поражение за поражением ахейцам и согласиться на оказание им помощи хотя бы тем, чтобы отпустить в сражение Патрокла с дружиной мирмидонцев, разрешив ему надеть Ахилловы доспехи. Вступление в бой Патрокла со свежими силами изменяет ход сражения. Троянцы постепенно отступают.

Напутствуя Патрокла, Ахилл просил его воздержаться от схватки с Гектором: во-первых, чтобы оставить Ахиллу возможность самому в бою отстоять свою славу и понудить Агамемнона к расплате за нанесенную обиду (XVI:83–90), а во-вторых, потому что Ахилл знал из предвещения матери о возможной гибели храбрейшего после него из мирмидонян (XVIII:10–11) и понимал, что за троянцев может заступиться кто-либо из бессмертных, скорее всего Аполлон (XVI:93–94). Однако в упоении битвы Патрокл трагически забывает строгое настояние Ахилла лишь отогнать троянцев от ахейских кораблей и не преследовать их до стен Трои. Он вступает в единоличную схватку с Гектором, который повергает его с помощью коварно вмешавшегося в бой Аполлона. Сокрушив Патрокла смертельным ударом, Гектор захватывает упавшие с Патрокла от удара Аполлона Ахилловы доспехи и облачается в них.

Известие о смерти друга и ближайшего соратника — вот, что окончательно меняет настроение Ахилла.

Смерть Патрокла повергает Ахилла в глубокое горе. Услышав стенания сына, к нему является из океанских глубин в сопровождении других nereid Фетида, узнать о причине сыновних слез.

Обращаясь к нему, она недоумевает, какие могут быть основания для печали, если все, что он просил у Зевса, исполнено: ахейцы, неся потери, оттеснены к кораблям, и всем уже ясно, что без Ахилла им не выстоять. Однако Ахиллу нет в этом удовлетворения. “Но какая в том радость, — в сердцах восклицает он, — когда потерял я Патрокла, / Милого друга!..” (XVIII:80–81).

Со смертью Патрокла к Ахиллу приходит понимание, что если бы не ссора с Агамемноном, дело могло повернуться иначе. Он не вышел бы из битвы, желая унижения Агамемнона и, стало быть, ощутимых потерь Агамемнонова войска, Патрокл не оказался бы один на один с Гектором, а если бы оказался, Ахилл мог бы ему помочь, да и не только ему: “Я ни Патрокла от смерти не спас, ни другим благородным / Не был защитой друзьям, от могучего Гектора падшим” (XVIII:102–103). Еще недавно желавший гибели многих ахейцев, Ахилл, потеряв своего любезного друга, горько сожалеет о том, что не смог защитить не только Патрокла, но и многих других ахейских воинов, своих недавних соратников. Через смерть своего друга Ахилл обрел общность с теми, на защиту кого вышел Патрокл, и фактически перенес на них те чувства (пусть и не в столь сильной степени), которые испытывал по отношению к своему другу.

Теперь к Агамемнону уступает у Ахилла место безмерному сожалению о смерти Патрокла и неукротимой решимости отомстить за него.

Примирение. Распря Агамемнона и Ахилла завершается примирением. Но мир не приходит сам собой. Он требует усилий. Уже на военном собрании, как только становится ясно, что противостояние Агамемнона и Ахилла готово перерасти в ссору, Нестор пытается охладить воспламененных заражающейся враждой вождей, пока еще не сказаны последние слова. Он призывает их к взаимному снисхождению, признанию заслуг и компромиссу: Агамемнону не следует отнимать у Ахилла Брисейды: “ему как награду ее даровали ахейцы” (I:276); Ахиллу не следует перечить Агамемнону, царю над царями. Хотя оба одинаково возбуждены спором, мудрый Нестор просит Ахилла умерить гордыню, и стремится удержать от гнева Агамемнона. Впрочем, увещевания старца не идут впрок. Агамемнон возобновляет свои попреки. Ахилл отвечает ему тем же.

В этой сцене раздора происходит и другой показательный эпизод. В кульминационный момент препирательств Ахилл в ответ на очередные горькие и болезненные для его *time* слова Агамемнона уже готов схватиться за меч. И хотя он колеблется: выхватить ему меч и “убить властелина Атрида; / Или свирепство смирить, обуздав огорченную душу” (I:191–192), — уже “страшный свой меч из ножен извлекал...” (I:194). Тут Ахиллу является никому другому не видимая Афина Паллада, богиня, символизирующая мудрость. От имени Геры она передает ему повеление: “Кончи раздор, Пелейон, и, довольствуя гневное сердце, / Злыми словами язвы, но рукою меча не касайся”

(I:210–211), — обещая скорое удовлетворение обиды многочисленными дарами. Ахилл повинуется без пререканий, оставляет меч в ножнах и продолжает словесный поединок с Агамемноном.

Посольство, направленное к Ахиллу, имело в первую очередь цель преодолеть раздор и утвердить мир между вождями. В этом смысле вопрос о выкупе не был для него главным. Каждый из послов пытается склонить Ахилла к возвращению в битву. При этом они призывают его к состраданию и снисхождению к гибнущим под напором троянцев ахейских воинов. Желая тронуть душу Ахилла, Одиссей напоминает ему, что отец его Пелей, провозжая на битву, наставлял обуздывать “гордую душу”; поскольку “кротость любезная лучше”, “распри злотворной” нужно чуждаться, а вспыхнувший гнев, “сокрушительный сердцу”, смягчать (I:254–260). Феникс, хотя и несколько в ином ключе, также прибегает к теме отеческой заботы и попечения и вспоминает, как в свое время принятый по-отечески Пелеем, он воспитал Ахилла и фактически заменял ему отца в каждодневных делах. Обращаясь к Ахиллу как отец, Феникс, по сути, повторяет упомянутое Одиссеем наставление Пелея: “Сын мой, смири же ты душу высокую! храбрый не должен / Сердцем немилостив быть...” (I:496–498). В добавление Феникс напоминает о славных героях прежних времен, которые, будучи в гневе, смягчались все же сердцем благодаря богатым дарам и нежным словам и выходили против завоевателя на защиту народа; порой и до получения даров, просто “следуя сердцу” (I:598).

В своей речи Одиссей, возможно, пытается манипулировать Ахиллом, эксплуатировав его чувства, его привязанность к отцу. На самом деле он хочет хитроумно подставить на место Пелея Агамемнона, актуализировать его доминирующую роль. Ведь Агамемнон предложением Ахиллу в жены одной из своих дочерей стремился эту роль закрепить. Если и не как военачальник, то как отец будущей жены Ахилла Агамемнон получал над ним превосходство, пусть только патерналистское. Также не исключено, что и Феникс развивает патерналистскую тему, имея в виду в первую очередь цели посольской миссии, в которой он участвует. Так что у Ахилла есть все основания подозревать послов в недружественности по отношению к себе, в том, что они играют игру Агамемнона. Однако для нас гораздо значимее то, что и Одиссей, и Феникс, и Аякс — прямодушно или в силу понятных прагматических мотивов — апеллируют к общности, родству, товариществу, указывают на недопустимость гневливости и горделивости в отношениях между друзьями и соратниками, на необходимость поддержки их в беде и т.д. Все они, не сговариваясь, рассматривают эти аргументы как наиболее сильные, а чувства общности, родства, со-дружества как такие, которые наиболее успешно можно противопоставить и обиде, и горечи от ощущения поправленной чести.

После неудачи с посольством Нестор, изменивший свое мнение об Ахилле, с горечью отмечает отсутствие в нем состра-

дания к соратникам: “Сильный Пелид об ахейских сынах не радит, не жалеет!” (XI:665), его озабоченность самим собой: “...Служит своею доблестью только себе!” (XI:763). XI:763). Вернувшись к Ахиллу, Патрокл (прежде практически молчавший персонаж) под впечатлением от увиденных им жертв и страданий ахейцев, бьющихся из последних сил с наступающими троянцами, возмущенно упрекает своего друга в безжалостности и жестокосердии по существу в тех же словах, которые слышал от Нестора (XVI:33–35), предваряя их негодующим осуждением (XVI:30–31). И Нестор, и Патрокл совершенно точно характеризуют Ахилла. Выслушав сообщение Патрокла о потерях ахейцев, Ахилл вновь начинает говорить о своем гневе, об обиде, нанесенной ему Агамемноном, и своей уязвленной *timē*. Впрочем, именно в этой беседе Ахилл впервые задумывается о необходимости утишения своего гнева (XVI:60–61). Однако ему по-прежнему нет дела до ахейцев; он даже выражает пожелание, чтобы ахейцы и троянцы перебили все друг друга, а они бы с Патроком вдвоем взяли Троию.

Посольство терпит фиаско в том смысле, что не были реализованы непосредственные цели, поставленные перед ним Агамемноном: вернуть Ахилла в битву. В целом же, увещевания послов не проходят бесследно. Одним из их несомненных успехов было то, что Ахилл отказался от намерения покинуть ахейцев и отплыть на родину, но остался в лагере, пусть и воздерживаясь до времени от битвы¹⁴.

Как было выше сказано, окончательный поворот в настроении Ахилла производит известие о смерти Патрокла. Ахилл понимает, сколь разрушительной оказалась его распря с Агамемноном. Более того, Ахилл не только себя осуждает за ссору с Агамемноном, но прокликает *всякую* вражду, как между богами, так и между людьми, и гнев, ее порождающий (XVIII:107–108).

Укротив гнев в отношении Агамемнона, Ахилл первым делает шаг к примирению. Любезно обращаясь к нему, Ахилл выражает глубокое сожаление относительно случившейся ссоры, в результате которой погибло столько ахейцев. Ахилл призывает “гордое сердце в груди укроти[ть]” (XIX:66) и заявляет: “Ныне я гнев оставляю решительно; я не намерен / Сердца крушить враждой бесконечно” (XIX:67–68).

В ответ Агамемнон соглашается, что ссора с Ахиллом обернулась трагедией для войска, и признает, что совершил ошибку, правда, невольно, под влиянием ослепления, наведенного на него *Atā*-обидой. Стоит отметить, что хотя и смертные, и боги признают факт несправедливости Агамемнона в отношении Ахилла, никто не выразил Агамемнону морального порицания. Если и слышится в словах Нестора или Одиссея неодобрение в адрес Агамемнона, то по своему смыслу оно целиком пруденциально¹⁵. Однако следует обратить внимание, что Гомер, во всех случаях прямо или косвенно оговаривающий по ходу сюжета даже малейшее вмешательство божеств, рассказывая

¹⁴ См. об этом: Bassett S.E. *The Poetry of Homer*. Univ. of California Press; Camb. Univ. Press, 1939. P. 201.

¹⁵ На что указывают А. Адкинс (Adkins A.W.H. *Op. cit.* P. 37) и М. Маккензи (MacKenzie M. *Plato on Punishment*. Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 1981. P. 73–74).

о роковой ссоре вождей, ничего не сообщает о влиянии А́та на Агамемнона и при этом, напротив, подробно изображает вмешательство Афины в решения Ахилла.

Признав ошибку, Агамемнон подтверждает, что хочет загладить случившееся “многоценною мздою [ароина]” (XIX:138). Ахилл, жаждавший боя, не проявляет никакого интереса к дарам. Однако Одиссэй призывает его принять-таки их в знак примирения, а Агамемнона подбадривает, побуждая к справедливости и утверждая, что “унижения нет властелину / С мужем искать примиренья, которого сам оскорбил он” (XIX:182–183).

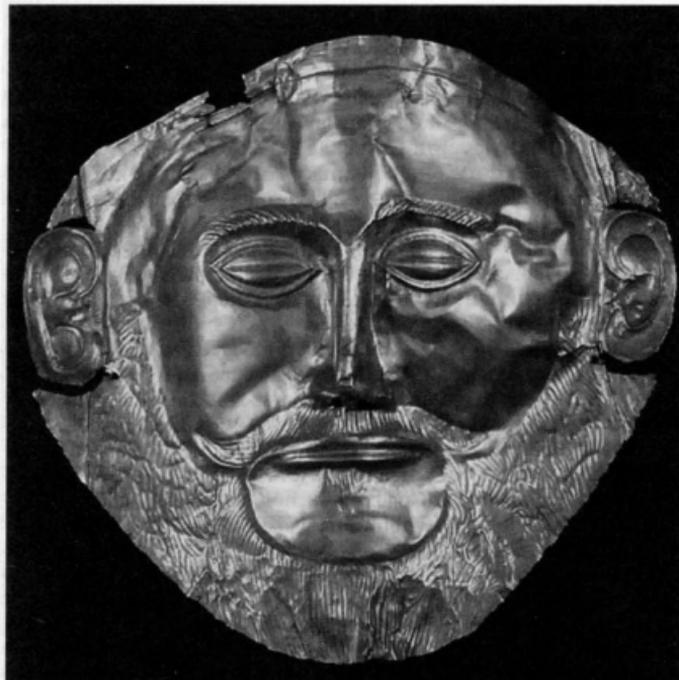
Примирение Агамемнона и Ахилла восстанавливает отношения между вождями и укрепляет ахейское войско. Но в “политическом” плане ситуация в ахейском стане меняется. Каков бы ни был внутрикоммунальный смысл выкупа, Агамемнон после примирения по сюжету поэмы фактически отступает на задний план, и в отношениях с Ахиллом он уже играет подчиненную роль. И в этом тоже можно усматривать своего рода расплату. Он высказывает Ахиллу соболезнование по случаю смерти Патрокла (XIX:310), следует указаниям Ахилла по организации похоронного костра (XXIII:54), ужина для войска (XXIII:161) и обустройства могильного холма (XXIII:250). В то же время щедрые дары победителям игр в память о Патрокле раздает Ахилл (XXIII:256), и что очень важно, он сам, без совета с Агамемноном и другими царями принимает решение о выдаче Приаму тела Гектора (XXIV:518, сл.). По мнению Н. Постелтвейта, анализирующего случившуюся метаморфозу, во всем этом Ахилл демонстрирует полноту своего авторитета и власти, между тем как Агамемнон играет подчиненную роль и, бессловесный, лишь исполняет поручения Ахилла¹⁶.

Примирение с Агамемноном становится прелюдией возвращения Ахилла в битву, окончания череды поражений ахейцев и избавления от многочисленных неоправданных потерь; а его победоносное сражение с Гектором, ради чего Ахилл и вернулся в битву, кардинально переломило ситуацию в Троянской войне в пользу ахейцев.

Тенденции. Анализ характера противостояния и примирения Ахилла и Агамемнона позволяет сделать выводы относительно некоторых тенденций развития морали в архаическом обществе.

● В гомеровском эпосе однозначно утверждается желательность мира и нежелательность вражды. Эта во многом тривиальная для поздних развитых моральных систем мысль акцентуирована Гомером и проходит через “Илиаду” красной нитью. Гомер прославляет героев-воинов, как ахейских, так и троянских. Но он никогда не восхваляет войну. Описания сражений Троянской войны пространны и порой скупрузельно натуралистичны. Но в этих деталях нет лобования сражениями, противостояниями, враждой. Наоборот, в поэме не раз звучат слова, осуждающие прямо или косвенно раздор и вражду. На разгорающуюся ссору Ахилла и Агамемнона Нестор откликается не только по-

¹⁶ Postlethwaite N. Akhilleus and Agamemnon: Generalized Reciprocity // *Reciprocity in Ancient Greece* / Ed. C.G. Norman, P. Waite, R. Seaford. Oxford: Univ. Press, 1998. P. 100.

Посмертная маска
Агамемнона

пытками охладить вождей и призывами к примирению, но и нападением, высказанным в явно универсальной модальности: “Тот беззаконен, безроден, скиталец бездомный на свете, / Кто междоусобную брань, человекам ужасную, любит!” (IX:63–64). Здесь можно услышать даже двойное осуждение раздора: не только он сам по себе ужасен, но бесчеловечен тот, кто им прельщается и готов на него пойти. Аналогичное осуждение мы слышим и из уст самого Агамемнона, который в жестких пререканиях с Ахиллом упрекает его за то, что только ему “...приятны вражда, да раздоры, да битвы” (I:177). Хотя мудрый Нестор не добился примирения, недопустимость раздора и необходимость сдержанности, взаимного уважения и расположения были им определенно провозглашены. Последующие события в полной мере подтвердили правоту мудрого старца.

Междоусобный раздор недопустим. Но вражда нежелательна и между чужаками. В одном из эпизодов сражений — при кораблях, когда судьба военного похода ахейцев буквально висит на волоске — Менелай в пылу боя обрушивает на троянцев помимо разящих ударов упреки в том, что те, мало того, что коварно нарушили законы гостеприимства, еще и “не могут насытиться бранью” (XIII:639). Между тем как “брань для всех ненавистна”

(XIII:635). Здесь мы видим то же двойное порицание брани (уже не просто раздора), что и у Нестора: троянцев осуждают за страсти к войне, при том что война *для всех* ненавистна. Иными словами, война признается неприемлемой в отношениях как между людьми, так и между народами. В горьких сетованиях Ахилла по поводу смерти Патрокла эта мысль поднимается на еще большую высоту: он проклинает *всякую* вражду, как между богами, так и между людьми, а также гнев, ее порождающий (XVIII:107–108).

● Воздаяние — одна из основополагающих характеристик морали гомеровского общества. И оно, как правило, носит непосредственный и неограниченный характер. Мы видели, что все уговаривают Ахилла умерить свой гнев, смягчиться, пойти на примирение. Но никто, даже Нестор, даже Фетида и Афина, которые нередко давали Ахиллу мудрые советы, не упрекают его в избыточности ответа на несправедливость Агамемнона. Гнев его чрезмерен, гордыня чрезмерна. Но возмездие таково, каким посчитал его необходимым Ахилл. И дело здесь не в архаичности гомеровского мира. Столетие спустя, когда век героев уже считался давно канувшим в лету, Гесиод, рекомендовавший во всем осторожность и тактичность, указывал, что не следует первым делать товарищу зло, — однако за обиду, словом ли, делом, надо отплатить вдвойне¹⁷. Также и Аристотель полагал, что на причиненное зло не только надо отвечать злом (а в обратном обнаруживается рабство)¹⁸, но большим злом¹⁹.

Судя по гомеровскому эпосу, архаическая Греция не знает талиона — не знает не только самой формулы, но и соответствующего опыта на уровне нравов и обычаев²⁰. Известна только прямая ответная месть (включая кровную). Так что можно сказать, гомеровское общество архаичнее того, которое нам знакомо, например, по Торе. В нем царит иной этос в отношении мести и расплаты, хотя бы в отношении к убийству. В нем можно разглядеть намеки на талион. Так, отвечая Фениксу, своему воспитателю, Ахилл говорит на языке, напоминающем талион:

...тебе и не должно Атрида
Столько любить, да тому, кем любим, ненавистен не будешь.
Ты оскорби человека, который меня оскорбляет!

(IX:613–615)²¹.

Не напоминающие талион черты — подчиненная часть иногерегулятивного механизма, а именно нерегулируемой мести.

При этом в гомеровском обществе существовало достаточно противовесов мести (в том числе кровной), что заслуживает внимания, поскольку указывает на то, что талион был, возможно, особым, но не исключительным ограничителем мести. Скорее всего, общества, не знавшие ограничений в мести, были обречены на вымирание посредством взаимного уничтожения кланов. Вместе с тем в гомеровском обществе месть не счита-

¹⁷ Гесиод. Труды и дни. 708, 710 // Указ. изд. С. 186.

¹⁸ Аристотель. Никомахова этика. 1133a5 / Пер. Н.В. Брагинской // Аристотель. Соч. в 4 т. Т. 4 / Общ. ред. А.И. Доватура. М.: Мысль, 1984. С. 155.

¹⁹ Аристотель. Большая этика. I, 34 // Указ. изд. С. 326.

²⁰ На не-талионный характер греческого нормативного мышления обращает внимание М. Маккензи (см.: Mackenzie M.M. Op. cit. P. 72).

²¹ Последний стих в пер. В.В. Вересаева: "Лучше б со мной огорчал ты того, кто меня огорчает!"

лась неперменной. На причиненное зло можно было и не отвечать злом и не усугублять таким образом вражду.

● Хотя принцип “зло за зло” (точнее, ненормированное зло в ответ на совершенное зло) общераспространен в архаическом греческом обществе, Гомер, рассказывая о расправе Ахилла и Агамемнона, фактически предостерегает от желания зла другому, в том числе чрезмерного *ответного* зла. Наиболее примечательны в этом отношении слова Ахилла, признающего утрату всякого смысла в своих упованиях на поражение ахейцев, поскольку это упование обернулось смертью Патрокла. В этом отношении сюжет распри Ахилла и Агамемнона раскрывается в своем глубоком этическом содержании. Это содержание в “Илиаде” специально не артикулируется и тем более не становится поводом для назидательного наставления. Однако в перспективе последующего развития греческой моралистической мысли оно вполне поддается идентификации. Уже у Гесиода это содержание встречается в задуго дидактическом контексте: “Зло на себя замышляет, кто зло на другого замыслил”²². Такова судьба Ахилла: желая смерти людям своего злейшего врага, он навел смерть на своего лучшего друга. Сентенции, типа приведенной из Гесиода, были широко распространены в моралистической литературе древнего мира. Например, в “Повести об Ахикаре”, произведении предположительно современном “Трудам и дням”, но рожденном в Древней Ассирии, содержатся аналогичные предостережения: “Кто строит ков брату своему, сам падет в него”²³ или по другому списку: “Роющий яму другому, сам в нее провалится”²⁴. Аналогичные сентенции известны и по ветхозаветным книгам.

Впрочем, надо отметить, в частной версии это содержание встречается, по меньшей мере, дважды в “Илиаде”. При вступлении Ахилла в битву его первая схватка происходит с героем Энеем, которого на бой возбудил сам Аполлон, приняв облик одного из троянских воинов. Узнав Энея, Ахилл с издевкой напоминает тому, как однажды тот уже бежал от него с поля сражения. В ответ Эней пытается уязвить Ахилла рассказом об особой знатности своего происхождения. Свою речь он завершает словами о том, что не дело воинов посреди сражения колоть друг друга словом, прибавляя красноречивую сентенцию: “Что человеку измолвишь, то от него и услышишь” (XX:250). Из дальнейшего пояснения становится понятным, что он имеет в виду обидные речи, собственные уличным сварам подверженных гневливости женщин. Иными словами, Эней говорит о том, что брошенное злое слово возвращается злым словом и прекращает пререкания ударом копья. Близкая мысль высказывается Гомером (также, конечно, по частному случаю) устами Посейдона, который, сетуя Агамемнону на Ахилла, отмечает у него “мрачное сердце” (XIV:139) и отсутствие “малейшего чувства” (XIV:141), и, видя, что Ахилл радуется в своей душе поражениям и гибели ахейцев, в сердцах добавляет: “Пусть же он так и по-

Р. Апресян
Истоки морали
в архаическом
обществе

²² Гесиод. Труды и дни. 265. Указ. изд. С. 176.

²³ Повесть об Ахикаре Премудром // Аверинцев С. Переводы: Многоценная жемчужина / Пер. с сир. и греч. Киев: Дух и литера, 2004. С. 215.

²⁴ Повесть об Ахикаре Премудром // От Ахикара до Джано / Пер. с сир. А.М. Белова и Л.Х. Вильскера. М.: Гос. изд. худ. лит., 1960. С. 36.

²⁵ Логику нормативного перехода к золотому правилу см.: Апресян Р.Г. Талион и золотое правило: критический анализ сопряженных контекстов // *Вопр. философии*. 2001. № 3. С. 72–84.

гибнет, и бог постыдит горделивца!" (XIV:142). Таким образом, предполагается, что злорадство по поводу поражений и гибели своих должно обернуться злом собственного поражения и гибели.

Итак, не будучи *нормативно* оформленным в "Илиаде", это этическое содержание, встречающееся в виде сентенции по конкретным поводам, неявно присутствует в эпическом нарративе, который самим фактом повествования выполнял наставительно-моралистическую функцию. Моралистическая фабула — по типу: не желай/делай зла и тебя не постигнет зло — впоследствии многократно будет обыграна в литературе разных народов. Не исключено, что она использовалась и в предшествующей Гомеру, но не дошедшей до нас греческой традиции. Однако из того, что нам известно, это исторически наиболее ранний пример такого нарратива. А поскольку нормативные фигуры подобного типа являются существенным промежуточным звеном между требованием возмездия и золотым правилом²⁵, наличие такого нарратива в гомеровском эпосе ввиду аналитически прослеживаемой в нем нормативной динамики в направлении золотого правила не может не восприниматься фундаментальным как для самого эпоса, так и для истории становления морального сознания.

НОВЫЕ КНИГИ

Рассел К., Картер Ф. Тесты IQ / Пер. с англ. М.: АСТ, Астрель, 2010. 544 с.

Рерих Н.К. Врата в будущее: Эссе, рассказы, очерки. М.: Эксмо, 2010. 1228 с.

Розанов В.В. "Красота в природе и ее смысл" и другие статьи, 1882–1890 / Сост., подгот. текста, коммент. В.Г. Сукача. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 635 с.

Руднев В. Гурджиев и современная психология. М.: Аграф, 2010. 155 с. Рыбас С. Сталин. 2-е изд. М.: Мол. гвардия, 2010. 902 с.: ил.

Селигман М. В поисках счастья: как получать удовольствие от жизни каждый день / Пер с англ. М.: Мани, Иванов и Фербер. 2010. 318 с.

Семенова-Тян-Шанская О. Жизнь "Ивана": Очерки из быта крестьян одной из Черноземных губерний. М.: Ломоносовъ, 2010. 190 с.

Старообрядчество в России (XVII–XX века): Сб. науч. трудов: Вып. 4/ Под ред. Е.М. Юхименко. М.: Языки славян. культур, 2010. 749 с.: ил.

Уэлч С. 10-10-10: 10 минут, 10 месяцев, 10 лет. Как управлять собственной жизнью и избавиться от сомнений при принятии сложных решений / Пер. с англ. М.: Эксмо, 2010. 222 с.

Фестюжьер А.-Ж. Созерцание и созерцательная жизнь по Платону / Пер. с фр. СПб.: Наука, 2009. 497 с.